

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ОДНИМ МАХОМ.....	5
Глава 2. ПРОЩАЙТЕ, РОДНЫЕ КРАЯ!	19
Глава 3. ЗАПОВЕДНИК АМПУТИРОВАННЫХ.....	27
Глава 4. ЗНАКОМСТВА.....	40
Глава 5. СТРАШНЕЕ ПЕРЕВЯЗОК ПЫТОК НЕТ!	54
Глава 6. РАЗГОВОРЫ, РАЗГОВОРЫ... ..	68
Глава 7. ЖИЗНЬ-ТО НАЛАЖИВАЕТСЯ?	103
Глава 8. ВИЗИТ КОМАНДУЮЩЕГО	120
Глава 9. НОВЫЙ ГОД НАСТАЕТ	138
Глава 10. ЗОЛОТАЯ КОЛЕСНИЦА.....	182
Глава 11. ПАССИОНАРИЙ ВЕРГИЛИЙ	201
Глава 12. ЛЮБОВНЫЙ НЕДУГ	226
Глава 13. РОТАЦИИ.....	249
Глава 14. ВЕСЕННЯЯ ЛИХОРАДКА	278
Глава 15. ПОТЕРЯ ЛЮДЕЙ ДОРОГИХ.....	297
Глава 16. ДУША БОЛИТ, А СЕРДЦЕ ПЛАЧЕТ	322
Глава 17. ПОСЛЕДНЯЯ ОСЕНЬ	330

Ах, война, что ж ты сделала, подлая...

Б. Окуджава.

«До свидания, мальчики!»

Глава 1

ОДНИМ МАХОМ

1

Витек проснулся от грохота. Будто кто-то невидимый бросил с небес груды сухих досок. Похоже, где-то неподалеку разорвался снаряд американской 155-миллиметровой гаубицы М777, из которых в последнее время фашиствующие хлопцы-артиллеристы, обозленные неудачами на фронтах Незалежной, все чаще и злее били по мирным донбасским городам и поселкам. Особенно отступая, выбитые со своих, казавшихся им неприступными позиций.

Шахтерский городок Степной, где проживали Сенчуковы — Витек с мамой, бабушкой и младшей сестрой, — тоже не раз обстреливался. Были и разрушения, и пожары, и пострадавшие с жертвами. Кто-то, и немало их, уезжал от греха подальше, другие пока выжидали, трясаясь от страха при артралетах. Но были и те, кто ни за что не хотел покидать родные места. На этой земле родились, жили, в нее и уйдем, когда время настанет, говорили они.

Из таковых было и семейство Сенчуковых, которых на земле этой шахтерской проживало уже четвертое или даже пятое поколение. Им тоже предлагали перебраться в более безопасные места. Но как в одночасье

взять и бросить все, что было дорого и мило, что держало здесь крепче якорных цепей? Да и хозяйство какое-никакое: сад-огород, телок и поросенок, нагуливавшие к поздней осени бока, чтобы обеспечить на зиму мясом-салом, курочки... Без подсобного хозяйства редко какая шахтерская семья обходилась. Разве оставишь, даже и временно, всю эту живность. С ней-то как быть?

Однако главное заключалось, наверное, в том, что где-то там, за речкой, где шли тяжелые бои, воевал глава их семейства — сынок Микола для бабушки, папа Коля для остальных. Большую часть своей трудовой жизни проработал Николай Ефимович Сенчуков горноспасателем, а несколько месяцев назад ушел добровольцем отстаивать родной Донбасс, который волею политических обстоятельств оказался за пределами России. В каких местах он сейчас воевал, семья точно не знала (связь с ним практически отсутствовала — за все время один раз только и удалось поговорить по мобильнику), но верила, что он в любой момент может объявиться — либо на побывку, либо даже совсем. Вернется, а дом пуст... Сенчуковы даже мысли такой не допускали...

Новый громыхающий удар, еще более сильный, чем предыдущий, отвлек Витька от воспоминаний. Он топорливо натянул штаны с футболкой и поспешил из летней кухни, где ночевал с мая по сентябрь, на улицу.

Витек настезь распахнул дверь, впуская ночную прохладу. Был предутренний час. Ночь нехотя отступала. Рассвет едва брезжил, подготавливая солнце к восходу. В отдалении за поселком клубился над речкой туман. Время от времени сквозь его пепельно-серую завесу прорывались огненные сполохи, следом за которыми катился артиллерийский гул. Откуда-то оттуда наикии который уже день мстительно обстреливали мирные кварталы поселка. Витек зябко передернул плечами. Не столько от холодного воздуха, сколько от

вида артиллерийских зарниц, вызывающих почти мистический ужас.

— Что-то нацики сегодня сильно раздухарились, — разгоняя остатки сна, пробормотал Витек и подумал, что надо бы на всякий случай увести своих женщин в «бомбоубежище» — так в семье называли глубокий холодный погреб рядом с летней кухней, где обычно хранили солонину, а то мало ли...

Витек уж, было, собрался перешагнуть невысокий порожек летней кухни, чтобы пересечь двор и оказаться внутри небольшого снаружи, но достаточно вместительного внутри дома с тремя комнатами и кухней, который когда-то построили его дед и прадед, но не успел. Земля вдруг качнулась и ушла из-под ног, невидимая волна подняла Витькá вверх и тут же швырнула оземь. Грохот взрыва оглушил парнишку и лишил сознания.

2

Артналет продолжался недолго, но бед наделал изрядно: снес несколько частных строений, не обошлось без потерпевших и даже жертв. Больше всего досталось подворью Сенчуковых. Ничего целого там не осталось: и дом, и надворные постройки — все в руинах. Похоже, что и не выжил никто — ни люди, ни живность домашняя. По крайней мере, так поначалу подумали собравшиеся после артналета соседи и прибывшие на место происшествия спасатели, пока не услышали доносящийся из-под груды обломков возле разрушенного дома стон.

— Да это ж Витек Сенчуков! — признали его соседи, когда парнишку извлекли из-под обломков.

Смотреть на него было страшно. У парня не было ног. Левая нога болталась выше колена на сухожилии, правую нашли в нескольких метрах. Досталось и рукам.левой до предплечья нет вовсе, а на правой, словно

бритвой, срезано три пальца. Злополучный снаряд моментом превратил Витькá в кровавый обрубок. В довершение его лицо, еще не познавшее бритвенной стали, было посечено осколками стекла, шлакоблоков, из которых был сложен дом, шифера с крыши.

Подоспевшая «скорая» увезла бедолагу в госпиталь.

Передвижной военно-полевой госпиталь расположился на окраине их поселка. Сюда везли раненых с передовой и жителей окрестных населенных пунктов, пострадавших от вражеских обстрелов. Здесь оказывали первую помощь, делали срочные операции, а после недолгой реабилитации, едва поставив раненых на ноги, эвакуировали их в тыловые стационарные госпитали или больницы.

В госпитале Витькá немедленно уложили на операционный стол и сделали все возможное в имеющихся условиях, чтобы, по крайней мере, предотвратить гангрену.

Приходя в сознание после наркоза, Витек чувствовал боль и слабость во всем теле. А голова так просто разламывалась. Витек страдальчески поморщился и с трудом разлепил веки. Глаза застилала мутная пелена, однако через минуту взор начал проясняться, и Витек увидел двух человек в одинаковых зеленоватых медицинских одеяниях и марлевых масках, склонившихся над ним. Из-за масок и шапочек открытыми на лице оставались только глаза. Да и те у одного из них были закрыты очками в толстой оправе. Медики, догадался Витек, и застонал от нового приступа боли.

— Очнулся, слава богу! — обрадованноотреагировал на стон очкастый.

— От наркоза отходит, — откликнулся его коллега и сказал озабоченно: — Надо бы парнишку быстрее эвакуировать. Случай-то уж сильно тяжелый.

Витек снова впал в забытие. Перед глазами вспыхивали за речкой артиллерийские зарницы, а в ушах застрелял грохочущий взрыв снаряда американской гаубицы. Потом вдруг все прекратилось и повисла мертвая тишина.

Витек открыл глаза. Внутри надувного передвижного модульного госпиталя над рядом коек с ранеными вполнакала горели лампы, слышались глухие стоны, сонные бормотания, вскрикивания, похрапывание, которые странным образом не нарушали тишину, а только ее усиливали. Из всего этого Витек понял, что на дворе ночь, и он совсем не дома, на любимой раскладушке в летней кухне, а где-то в незнакомой больнице.

Как попал он сюда, по какой причине? Витек пытался хоть что-то вспомнить из событий прошедшего (и, может, не одного) дня и не мог. Лишь когда Витек, прикрыв глаза, опять услышал звуки разрывов американских снарядов, поднявших его ранним утром с постели, память, наконец, подсказала ему, что он собирался разбудить своих женщин и «сховаться», как сказала бы бабушка, с ними в погребке-«бомбоубежище».

Тогда почему он здесь, а не в погребке? И как там они без него? В ушах парнишки возник нарастающий вой прилета очередного снаряда, и Витькá охватила нарастающая тревога: где завершился его полет, не надделал ли беды?..

Мысленно уже поспешая к родному подворью, Витек попытался рывком подняться с госпитальной койки и не смог. Ноги не слушались. Хуже того, Витек просто не ощущал их. Ему даже сесть не удавалось. Не успевая принять вертикальное положение, туловище валилось на постель. После каждой такой попытки боль в ногах и левой руке резко усиливалась, и Витьку приходилось, утихомиривая ее, лежать некоторое время без движения.

Вспоминалась в эти минуты бабушка, страдавшая от целого букета болезней суставов, которая то и дело растирала и разминала, «приводила в чувство» ноги. И Витку подумалось, что, быть может, и ему свои конечности следует помассировать.

Он повернулся на левый бок, подтянул к животу то, что осталось от ног, потянулся к ним уцелевшей правой рукой, чтобы для начала размять икры, но, вместо упругой икроножной мышцы, рука нашарила... пустоту. Витек, словно наткнувшись на оголенный электрический провод, отдернул руку. У него перехватило дыхание.

Немного уняв сердцебиение, он повторил попытку. Результат тот же. Витек перекатился на спину и попытался нащупать икру левой ноги. Снова пугающая пустота! Попробовал левой рукой. Новый сюрприз: как и ног, не ощутил ее самое. Витек осторожно погладил правой рукой левое плечо, скользнул по предплечью, которое выше локтя было замотано марлевой повязкой, а дальше... то же, что и с ногами, — ладонь провалилась в пустоту. Витек похлопал для верности по матрасу — ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего руку!

Витек откинул одеяло в надежде убедиться, что все у него по-прежнему на месте, но представшая ему в тусклом освещении ночного госпиталя безрадостная картина эту робкую надежду похоронила. А увидел Витек на месте совсем еще недавно здоровых ног и рук перевязанные культы с просочившимися сквозь бинты кровавыми пятнами: две — то, что осталось от ног, и одна — от левой руки. На уцелевшей правой руке не хватало трех пальцев. Тоже едва ли не культя.

Витек попытался понять, как же это могло произойти, но бесполезно. Память отключилась. Смежив веки, Витек опять услышал характерный взрыв снаряда американской гаубицы, за которым все обрывалось, сменившись мертвой тишиной...

Витек снова и снова осматривал и ощупывал себя, но каждый раз убеждался, что лежащий здесь, на госпитальной койке, обрубок — это он сам и есть. До Витькá начал доходить весь ужас его нынешнего положения. Он заплакал и долго не мог унять слезы.

Сна уже не было до самого утра. Еще и от донимавшей его боли. Но если голову отпустило, то боль в ногах и левой руке, напротив, разыгралась. Чему Витек крайне удивился: что там может болеть, если ничего уже нет? Однако именно там почему-то боль сильнее всего и ощущалась.

3

Наступило, наконец, утро. О его приходе известило радостное пение проснувшихся птиц за надувными стенами госпиталя.

Сморенный ночной бессонницей, Витек задремал. Как сквозь вату, слышал женский голос рядом с собой, ощущал на своем лице и шее влажную губку, затем сухое полотенце. Догадывался, что это, наверное, водные процедуры для лежачих больных.

Вскоре почувствовал, как кто-то приподнял его правую руку и, обхватив запястье, несильно придавил большим пальцем, как делала это мама Витькá, прощупывая пульс у больной бабушки. Витек открыл глаза и увидел уже знакомого очкастого доктора, совершавшего утренний обход.

— Ну, как ты себя чувствуешь? — сразу же спросил тот, отпуская руку парнишки.

— Болит, — чуть слышно сказал Витек.

— Да как тут без боли после такой тяжелой операции? Считаю, с того света тебя вытащили! — сказал очкастый доктор.

— А где мои ноги? И рука левая?.. — откинул Витек одеяло.

Доктор что-то замычал в замешательстве, но, справившись с собой, хмуро сказал:

— Нет их больше у тебя, парень, ампутировали.

— Зачем? — воскликнул Витек.

— Вообще-то, по большому счету, вопрос не ко мне, а к тем бравым артиллеристам, которые повадились обстреливать ни в чем не повинных мирных жителей. Это ж осколки их снаряда оставили тебя полностью без трех конечностей, а четвертую усекли. А наши хирурги лишь «подправили» эту грубую работу, постарались, чтобы злодейка-гангрена за тебя не взялась.

— Но почему они болят?

— В смысле?

— Ну, вот их нет, а они болят.

— Ах, вон ты о чем! Это, брат, синдром фантомных болей дает о себе знать. Слышал про такой?

Витек покачал головой.

— Примитивно говоря, фантомные боли — это ощущение боли в отсутствующих конечностях. Руки или ноги уже нет, а нервы, ранее их снабжавшие, продолжают отправлять сигналы в мозг, что и вызывает ощущение боли. Этакая, брат, иллюзия, навеянная недавним прошлым. Физиотерапия, лекарства со временем тебя от этого избавят, а пока терпи. И крепись!

Закусив нижнюю губу, чтобы не расплакаться, Витек отвернулся. Доктор ободряюще потрепал его по плечу:

— Ничего, прорвемся! Все будет хорошо!

Но прозвучало это у него как-то вымученно, устало. Позади ночное дежурство, впереди новый тяжелый и, как всегда, непредсказуемый рабочий день. А воспаленные от хронического недосыпа глаза просили хорошего сна.

— Готовьте к эвакуации! — кивнув в сторону Витькá, отдал распоряжение доктор кому-то невидимому, возможно, той женщине, которая недавно протирала парнишку влажной губкой, и продолжил обход.

Занимался новый день. Госпиталь освобождался от остатков сна, наполнялся ровным негромким гулом голосов раненых. От боли здесь очень редко кричали и даже громко не стонали. Лишь зубовный скрежет мог выдать, как тяжело этим парням ее подавлять, оставлять втуне.

Утро началось для Витькá с новой волны фантомных болей. Резко закололо в несуществующих ногах. А левая рука совершенно онемела. Хотелось высвободиться от этих «иллюзий» в крике, но пример других, терпеливых раненых заставлял сдерживаться.

Однако от повышенных децибел госпиталю в это утро уберечься было не суждено. Доктор еще не успел закончить обход, как со стороны приемно-сортировочного модуля — «сортировки» по-здешнему — послышалась громкая перепалка. До визга доходящий женский голос на чем-то настаивал, охрана на входе не соглашалась. Очкастый доктор поспешил на выяснение происходящего. А через несколько минут вернулся уже вместе с пожилой рыхлой теткой с самодельной тряпичной сумкой в руке.

— Очень хорошо, что зашли! А то ведь никаких документов ни при нем, ни на подворье не найдено. Кто он, что?.. Нам же его оформить надо. Может, вы проясните?..

— Проясню, обязательно проясню! — заверила тетка.

Витек сразу узнал визгливый голос соседки. Она жила неподалеку, на другой стороне их улицы, и частенько навевывалась к ним по разным причинам, а то и просто поболтать.

Боль-иллюзия немного отпустила, и Витек смог даже слегка приподняться навстречу приближающейся соседке.

А она, завидев его, заголосила так, что у всех, кто находился в модуле, заложило в ушах:

— Витек, чадушко ненаглядное, живой?!

— Живой, тетя Поля, живой, ранило вот только... немного, — через силу ответил Витек и натянул одеяло до подбородка. Очень уж не хотелось ему, чтобы увидела соседка, что от него на самом деле осталось. И торопливо спросил: — Наши-то — бабушка, мама, Настя — как там? А дом обстрелом не повредило?

Соседка охнула и стала медленно оседать. Она наверняка упала бы, не подхвати ее вовремя доктор и не усади на стул. Медсестра принесла нашатырь, привела в чувство.

— Ой, сынку! — приходя в себя, заплакала соседка. — Ни дома вашего нет, ни подворья. Прямо в дом снаряд угодил, там и разорвался. Всех махом и порешило: и Никитичну, и Оксану, и Настену... Да что там... — через рыдание прорвалось у соседки: — Всю живность вашу, какая была, враз, будто литовкой кто взмахнул, скосило! Думали, что и ты тоже вместе со всеми... А ты, вишь, уцелел...

Витек, слушая тетку Полю, непроизвольно выпустил из правой руки одеяло. А когда попытался вернуть на прежнее место, рука перестала слушаться и, дернувшись, как от удара током, вообще откинула одеяло в сторону, явив взору соседки изуродованное тело Витькá. В ужасе она схватилась за голову и запричитала:

— О, Боже праведный, да что ж они творят, нелюди, отродье дьявольское! Хлопчик и школу-то не успел закончить, а ему уже теперь куда ни кинь — везде клин! Витенька, сиротинушка ты горемычная! Ни кола, ни

двора, ни родной души рядом у тебя не осталось. Как дальше жить-то дальше будешь?

— А отец? — вспомнил Витек. — О нем что-нибудь известно?

— Та ничего? Где-то воюет. Но вестей никаких. Чи живой, чи нет?..

— Тетя Поля, если объявится, пусть найдет меня, ладно?

— Ну, если объявится...

Соседка безнадежно махнула рукой и снова зашлась в рыданиях. Медсестра с доктором под руки повели ее из модуля. А Витек зарылся лицом в подушку и надолго замер, пропитывая ее слезами.

День клонился к вечеру, а Витек все никак не мог поверить и смириться с мыслью, что нет больше дома, в котором он родился и прожил всю жизнь, как нет уже и его обитателей. Кровавая птица войны одним махом уничтожила семейное гнездо Сенчуковых, а злополучный прилет злополучного снаряда американской гаубицы М 777 расколол жизнь самого чудом уцелевшего Витькá на две совершенно разные части: безоблачное солнечное «до» и свинцово-тяжелое, неизлечимо больное и беспросветное «после».

4

Вся жизнь Витькá до случившейся трагедии прошла в Степном — обычном шахтерском городке. На его окраине возвышался железобетонный копер с подъемным механизмом шахты, а в центре рядом с администрацией красовался памятник Ленину в окружении трехэтажных жилых корпусов, за которыми начинался, уходя в степь к островерхим терриконам, частный сектор с черными от угольной пыли зимой и летом улицами и подворьями. Городков таких и поселков было

не счесть в шахтерском краю, и все они походили друг на друга, как близнецы-братья. Этот находился у самой границы, разделявшей братские когда-то республики одного огромного государства, ставшие со временем по воле и желанию дьявольских заморских кукловодов враждебными. А естественным рубежом была та самая речка за поселком, откуда ныне все чаще обстреливались жилые дома, больницы, школы, детсады, дома культуры и разные другие объекты сугубо мирной жизни, никоим образом войны не касающиеся.

Вместе тем, по обоим берегам этой речки издавна жил один народ единых славянских корней, который когда-то пришел сюда добывать лучший в мире уголь антрацит, не для красного словца названный «черным золотом». Он и сейчас, этот рабочий люд, шахтер и сталевар, продолжал считать себя единым народом и истинным хозяином этой земли, которой его хотели лишить и которую он, не щадя живота своего, отстаивал от всей этой нынешней фашистской сволоты.

Николай Ефимович Сенчуков числил себя плоть от плоти этого народа и считал святым долгом с оружием в руках его защищать. Примерно так объяснял он своим домочадцам свое решение влиться в ряды добровольцев.

Сказать, что Витек отца любил, значит, ничего не сказать: он его обожал! Отец был для него и кумиром, и ориентиром, и примером настоящего мужчины, и много кем еще. Витек с младенчества тянулся за отцом, был, по выражению бабушки, его «хвостиком». А отец, в свою очередь, относился к «хвостику» этому трепетно, хотя и достаточно строго, и с рождения старался задать ему верное, согласно собственному разумению и опыту, направление.

По настоянию Николая Ефимовича парня при рождении и Виктором нарекли. Мать малыша возражала.

Ей хотелось назвать первенца Валентином, в память о безвременно почившем дедушке, ее отце. Но, как потом рассказывала она сыну, Николай Ефимович решительно воспротивился: «Что за имя, Валентин: то ли мужское, то ли женское? У мальчика имя должно быть однозначно мужским. — И заявил, как отрезал: — Назовем сына Виктором!»

На вопрос жены, почему именно так, Николай Ефимович сурово пояснил, что в переводе с языка древних римлян Виктор означает «победитель». А поскольку, продолжал рассуждать глава семейства, в каждом настоящем мужчине должна быть заложена воля к победе (для самого же Николая Ефимовича «стремление побеждать» было, помимо того, еще и сутью его профессии), то лучшего имени для мальчика и будущего мужа не сыскать.

Супруга пыталась возражать, говоря, что на свете много красивых звучных имен. Но Николай Ефимович продолжал гнуть свое. Дело не в благозвучности, сердился он, дело в сакральном смысле, который несет в себе каждое имя и по большому счету определяет весь жизненный путь человека и его судьбу. Не случайно же моряки говорят: как корабль вы назовете, так он и поплывет. «Поэтому, — как бы подводя черту, тоном, не терпящим возражений, говорил жене Николай Ефимович, — сыночка нашего мы и назовем именем, которое поможет ему преодолевать на своем пути все преграды и быть счастливым...»

Спорить дальше было бесполезно, и Витек обрел на всю оставшуюся жизнь имя настоящего мужчины с сакральным смыслом победителя.

Уходя воевать, Николай Ефимович наказывал сыну: — В мое отсутствие ты, Витек, остаешься единственным мужиком в доме. А значит, и семейный наш воз теперь в основном на тебе.

— Папа, я лучше с тобой воевать...

— А кто тыл будет обеспечивать? За хозяйством следить. И, главное, на кого я оставляю женщин наших: бабушку, маму, Настену? Кому, как не тебе, продолжать о них заботиться, поддерживать и беречь? — осек сына Николай Ефимович.

Тот сник, опустил голову.

— Ничего, Витек, ничего... — обнял его отец. — Здесь ты сейчас нужнее. Зато, когда вернусь с победой (а она обязательно будет за нами, даже не сомневайся), мы с тобой двойной тягой столько ли еще всего перделаем!.. Да и, сказать откровенно, никто тебя, Витек, в данный момент служить не возьмет. Тебе едва шестнадцать стукнуло. Почти два года до призывного возраста. Так что крепи наш тыл и береги женщин...

Дел дома действительно было невпроворот. А уж после ухода отца на войну тем более. Мать пропадала на работе, бабушка, угнетаемая болезнью, почти не вставала, за Настеной, шустрой одиннадцатилетней девчушкой, тоже нужен был глаз да глаз. А еще было хозяйство: дом, живность, сад-огород... Вот и крутился Витек, как белка в колесе. В школу он с прошлой осени, после того как ее разрушило очередным артобстрелом, ходить перестал. Многие стали ездить на автобусе в соседний райцентр доучиваться. Это было утомительно, отнимало много времени, а его Витьку и так не хватало. Учебу продолжать он отказался. Отложил до лучших времен. Вернется отец, тогда с ним и решим. Мама против такого варианта тоже не возражала.

«Вот и сберег... Всех сразу не стало, одним махом!.. — с трудом сдерживая рвущийся из груди стон, вернулся Витек от воспоминаний к страшной реальности. — Не выполнил наказ отца. Сам в том и виноват. Если бы встал чуть пораньше, не провалялся нескольких лишних минут в постели, глядишь, и успел бы до